

Образы Русской Америки в воспоминаниях капитана Джона Д'Вулфа

В статье рассматриваются образы русских и индейцев в репрезентации американского капитана торгового корабля «Джуно» Дж. Д'Вулфа, побывавшего в российских владениях в Америке и пересекшего Сибирь в начале XIX в. Одновременно с начавшимся еще в конце XVIII в. процессом интеграции в состав Российской империи Аляски она постепенно входит и в зону экономических и политических интересов США. Американские купцы, посещая российские поселения и вступая в контакт с их жителями на северо-западе континента, формировали образы не только индейцев, но и русских.

Ключевые слова: российско-американские отношения, имагология, ментальная география, Русская Америка, ориентализм.

Создание в 1799 г. Российско-американской компании ознаменовало собой начало нового этапа в освоении Российской империей Нового Света. Появление РАК, которая была организована по образу и подобию западноевропейских компаний «на основании правительственных концессий с целью эксплуатации колониальных ресурсов»¹, четко фиксирует «имперскость» государства, стремящегося к управлению разнородными территориями и народами с не совпадающими социальными иерархиями и системами ценностей. Помещение Русской Америки в имперский контекст не только расширяет наши представления о ней самой, но и вновь напоминает, как подметил А.С. Пушкин, что правительство оставалось «единственным европейцем в России», старавшимся следить за новейшими тенденциями в государственном управлении и адаптировать их, поддерживая собственный статус современной державы².

Одним из ключевых аспектов изучения «имперской ситуации» является рассмотрение общества в социокультурном разрезе, в том числе представлений о «Другом». В этой связи Русская Америка воспринимается как уникальный регион, где происходит встреча нескольких культур. Во-первых, с российской стороны это были сибирские промышленники, а также морские офицеры-«кругосветники». Во-вторых, многочисленные туземные общины как на территории континента, так и на островах северной части Тихого океана. И, наконец, третьей стороной выступают американские купцы, начинающие проникать на северо-запад Америки в расчете на участие в пушной торговле. Одним из таких торговцев был капитан Джон Д'Вулф, чье путешествие в Русскую Америку в 1805–1806 гг. стало одним из источников для написания знаменитого романа Германа Мелвилла «Моби Дик».

Мачты задрожали, все паруса обвисли, и мы, находившиеся внизу, в тот же миг повыскакивали на палубу, уверенные, что корабль налетел на подводную скалу; вместо этого мы увидели, однако, морское чудовище, которое уплывало прочь с чрезвычайно важным и торжественным видом. Капитан Д'Вольф тут же поспешил к насосам, чтобы выяснить, не пострадал ли от удара корпус судна, но было обнаружено, что, по счастью, мы обошлись без всяких повреждений³.

Так описывает Мелвилл со ссылкой на «Путешествия...» Георга Лангсдорфа один из документально подтвержденных случаев столкновения кораблей с китом. Капитан Д'Вулф (или Д'Вольф в русском переводе И. Берштейн), заботливо осматривавший корабль, есть не кто иной, как дядя самого писателя, участник тех событий, у которого маленький Герман проводил лето⁴. «Я специально расспрашивал его по поводу этого места из Лангсдорфа, – добавляет Мелвилл. – Он подтверждает каждое слово. Правда, корабль у них был небольшой – русское судно, построенное на сибирском побережье и приобретенное моим дядей в обмен на то, которое доставило его туда с родных берегов»⁵.

Корабль, который капитан Д'Вулф продал русским, до 1805 г. имел название «Джуно». Н.П. Резанов и А.А. Баранов, купившие его у американца, не стали менять имя, лишь придав ему русский «прононс». Таким образом, «Джуно» стал «Юноной», воспетым вместе с кораблем «Авось» в известной рок-опере Алексея Рыбникова и Андрея Вознесенского.

Джон Д'Вулф получил в результате сделки 68 тыс. испанских пиастров (часть суммы была оплачена мехами, остальное – вексе-

лями на главное правление в Санкт-Петербурге), что, по оценке Н.Н. Болховитинова, равняется около 100 тыс. долл.⁶

Деловая жилка была характерна не только для самого капитана, но и вообще для его семьи, знаменитых Д'Вулфов из Род-Айленда, промышленявших морской торговлей. Основа их процветания была проста и зиждилась на продаже африканских рабов в Гаване, а кубинского рома в Новой Англии. Джон приходился племянником Джеймсу Д'Вулфу, главе семейства, работоторговцу, пирату, а позднее сенатору от Род-Айленда. Джеймс был женат на Нэнси Энн Брэдфорд, дочери губернатора Уильяма Брэдфорда, праправнука того самого отца-пилигрима и знаменитого автора «Истории поселения в Плимуте». На момент смерти в 1825 г. Джеймс Д'Вулф был одним из богатейших людей в США⁷.

Джону Д'Вулфу к моменту, когда в 1804 г. в его распоряжение был отдан «Джуно», было всего 24 года, но он слыл опытным моряком, участвуя в различных плаваниях уже более 10 лет и пройдя всю карьерную лестницу от юнги до помощника главы судна. Главной задачей молодого капитана было дойти до северо-восточного побережья Америки, достать там меха и перепродать их в Китае⁸.

Поставленную цель Д'Вулфу так и не удалось выполнить в полной мере, т. к. поступившее от руководства Российско-американской компании щедрое предложение о покупке корабля поменяло все планы молодого капитана. Перезимовав в Ново-Архангельске, Д'Вулф в 1806 г. на арендованном у РАК корабле, том самом, о котором упоминает Мелвилл, дошел до Охотска. Он стал отправной точкой в его сухопутном путешествии от Тихого океана до Балтийского моря. Таким образом, Джона Д'Вулфа можно считать первым американцем, пересекшим Сибирь с востока на запад⁹, и, возможно, первым западным путешественником вообще, которому удалось совершить подобное¹⁰.

Мемуары о своих приключениях Д'Вулф опубликовал в 1861 г. под названием «Плавание к северному Тихому океану и путешествие через Сибирь», желая, по его словам, «оставить своей семье хоть какие-то записи об этом приключении»¹¹. В 1917 г. травелог Д'Вулфа был переиздан в рамках сборника «Историй старого морского порта» под редакцией У.Х. Манро, посвященного Бристолу, штат Род-Айленд, и его сынам – доблестным морякам¹².

Американское общество в начале XIX в. знало о России очень немного. Сведения о заокеанском соседе просачивались в основном или через цитирование английской периодики с пометкой «Информация, полученная из Лондона» (своих корреспондентов в России у американской прессы не было), или сквозь компиляции

европейских тревелогов, публиковавшихся в виде небольших заметок. Так или иначе, в обоих случаях предзнание о русском «Другом» формировалось в русле ориенталистского дискурса эпохи Просвещения, который представлял Россию как полуварварскую страну, только прикрытую фасадом Цивилизации¹³.

Так, из майской анонимной заметки “New-York Magazine” 1792 г. читатель мог узнать, что «Россия – это практически единственная страна в Европе, где люди не имеют счастья наслаждаться гражданскими привилегиями или даже подобием политических прав. Суверен является не просто абсолютным правителем, но каждый человек есть его раб. Первое знатное лицо государства немедленно приходится рабом Короны, а благосостояние каждого человека в России зависит исключительно от количества рабов, которыми он сам обладает. Таким образом, низшие слои общества находятся в самом жалком состоянии, до которого только может деградировать человек. Они рабы рабов, возможно даже в нескольких степенях»¹⁴.

Россия в представлениях европейцев XVIII – начала XIX в. являла собой огромную «потемкинскую деревню», страну иллюзий, которые следует разоблачить. Сомнений в цивилизованности российского высшего света не было, однако вопрос состоял в том, насколько плоды Просвещения глубоко впитало остальное русское население и где в России проходит настоящая граница между Западом и Востоком. Как отмечает Д. Энгерман, чистая география не помогала в решении этой проблемы, в отличие от социологического подхода, который «акцентировал внимание на том, что русские сами могут быть разделены на маленькую цивилизованную элиту, находящуюся в море азиатских крестьян»¹⁵. При этом культурная разница между обеими группами была такова, что любой путешественник начинал сомневаться в том, какая из них репрезентирует «настоящих» русских. В анонимном эссе «Манеры и привычки русских крестьян», опубликованном в февральском выпуске “Literary Museum” за 1797 г., отмечалось, что, хотя «русские джентльмены почти полностью восприняли тот же образ жизни, что и другие европейские нации», их количество почти ничтожно. «Нам следует искать настоящей национальный характер русских среди крестьян», – заключает автор. Но они, по его собственным наблюдениям, глупы, невежественны и ленивы, хотя при этом очень честны, дружелюбны и гостеприимны¹⁶.

В полной мере с последними характеристиками мог согласиться и Джон Д’Вулф. Когда 10 мая его корабль «Джуно» причалил в гавани Ново-Архангельска, капитан был с радушием встречен пра-

вителим русских поселений в Америке А.А. Барановым, который по случаю прибытия гостя устроил торжественный обед. «Мы возвратились на борт вечером, довольные оказанным нам приемом, – делится своими впечатлениям Д'Вулф, – и я мог бы даже сказать, будучи приятно удивлены, так как, веря различным рассказам, я ожидал увидеть, что русские недалеко ушли от дикарей»¹⁷.

Впрочем, настоящие дикари, которых Д'Вулф так опасался, оказались не такими страшными. Воинственный внешний вид и вызывающее поведение индейцев не имели серьезных последствий для него, хотя и Баранов, и другие русские предупреждали о соблюдении мер предосторожности.

В ноябре 1805 г. капитан вместе с доктором Лангсдорфом предприняли небольшое путешествие на байдарках к о. Кадьяк в сопровождении нескольких индейцев и девушки-переводчицы, которая «жила с русскими пять или шесть лет» и приходилась дочерью одному из вождей кадьякских племен¹⁸. Как-то вечером, когда до места назначения оставалась всего пара суток пути, путешественники, разбив лагерь у воды, оказались окружены «сотней обнаженных индейцев, вооруженных мушкетами и держащих горящие головешки в руках». В сопровождении колошей (или тлинкитов – именно к этому племени и относились индейцы) Д'Вулфу и его людям пришлось проследовать до поселения, ожидая «быстрой и жестокой смерти». «Вся сцена прямо-таки наполняла меня ужасом, – делится воспоминаниями капитан, – яркий свет факелов, гримасы дикарей, потрясения оружием, грубый прием, который мы получили, не способствовали внушению уверенности в людях, которых мы поначалу опасались»¹⁹. К счастью, ситуация благополучным образом разрешилась, и вся компания продолжила свой путь. Когда же путешественники достигли поселения, чьим вождем был отец девушки-переводчицы, их ожидал поистине царский прием:

Мы едва успели перевести дух, выпив чаю и рюмку пунша, когда мы были приглашены самым старым и выдающимся из вождей, командующим укреплений, зайти к нему. Он принял нас с большой заботой и подарил мне шкуру морской выдры, а доктору Лангсдорфу – красивый выдрий хвост <...> На следующее утро мы отправились к старейшине, от которого мы получили подарки вечером предыдущего дня, чтобы вручить ему наши дары. Узнав заранее у нашей переводчицы, что, чем раньше мы сделаем ответный подарок, тем большим будет оказанное нам почтение, мы тогда же сделали достойное подношение и ее родителям в ответ на их подарки²⁰.

В этих заметках речь идет, конечно, о потлаче, традиционной церемонии обмена дарами, распространенной среди индейцев тихоокеанского побережья на северо-западе Америки²¹. Комментируя этот обряд, капитан Д'Вулф избегает «остранения», не описывает виденное им в категориях принципиально непере译имой «другости»²², которая для многих других путешественников становится причиной именованя наблюдаемых ими практик «отсталыми» или «нецивилизованными».

Удивительно, но Д'Вулф даже попытался объяснить непонятные для него вещи, используя своего рода герменевтический круг, проведя аналогии между непере译имыми для него семиотическими образованиями и похожими на них объектами из его родной культуры, пытаясь тем самым если не приблизить обретение значения²³, то хотя бы оправдать странности индейцев. Самым ярким примером этого может являться описание обычая вставления щепки или деревянной палочки в нижнюю губу девушки при достижении ею половой зрелости:

В возрасте четырнадцати или пятнадцати лет они делают дырку в нижней губе и вставляют туда небольшой кусочек дерева размером с пуговицу. Его увеличивают в размерах по мере взросления, пока он не достигнет трех или четырех дюймов в длину и одного-двух в ширину. Я даже видел одну старую женщину, жену вождя, чье украшение на губе было таким большим, что, делая особое движение нижней губой, она могла почти полностью скрыть за ним свое лицо. Вы, естественно, можете поинтересоваться о причинах столь варварского способа украшать [себя]. Я же могу ответить вам, спросив об основаниях [появления] столь же странных обычаев среди цивилизованных наций. Но, [не желая] порочить моих соотечественниц, я бы хотел упомянуть лишь одно из наблюдений, которое возможно уже пришло на ум моим читателям, а именно абсолютную невозможность представительницам прекрасного пола северо-восточного побережья наслаждаться радостью поцелуя²⁴.

Об этом же ритуале говорит, например, и капитан Ю.Ф. Лисянский, известный российский морской исследователь и путешественник:

У колошенских женщин, как только начнутся периодические недомогания, прорезывается нижняя губа, в которую вкладывается деревянный овал, выделанный наподобие ложки. Этот прорез увеличивается вместе с годами, так что напоследок губа оттягивается более 2 вершков [почти на 9 см] вперед и около 3 вершков [13 см] по сторо-

нам лица, отчего самая первая красавица делается ужасным чудовищем. Такое безобразие, как оно ни отвратительно, находится здесь в большом уважении, а поэтому знатные женщины должны иметь губы насколько возможно больше и длиннее²⁵.

Как мы видим, стратегии понимания одного и того же ритуала у двух путешественников различны. Если Д'Вулф пытается «перевести» экзотическую практику на язык собственной культуры, которая также не лишена абсурдных на первый взгляд обычаев, то русский офицер флота даже не старается найти оправданий индейскому обряду, рассматривая его как еще один пример отсталости североамериканских аборигенов.

Тем не менее нельзя сказать, что Д'Вулф относился к индейцам как к равным себе. Скорее в его отношении к ним можно увидеть отголоски представлений эпохи Просвещения – «благородные дикари» еще только начинают свое восхождение по лестнице Цивилизации, потому следует проявлять снисхождение, подобно тому, какое оказывают взрослые детям. «Как и другим дикарям, им особенно нравятся сверкающие побрякушки и европейская одежда»²⁶, – отмечает капитан, рисуя идиллическую картину еще «невинной» жизни индейцев.

Занятия ситкинских индейцев, помимо охоты и рыбной ловли, включают в себя постройку каноэ, подготовку рыболовных лесок и крючков и создание предметов из дерева. Женщины прядут нечто похожее на ковер, сделанный из шерсти, и совершенно искусны в плетении. [Прутья в] некоторых их корзинах так плотно соединены, что [в них] можно держать воду²⁷.

Эта жизнь, однако, не лишена неравенства или жестокости, причины которых все же более просты, чем у цивилизованных европейцев.

Я не смог обнаружить у них [индейцев] организованного правления (government). Успех в ловле рыбы или охоте составляет источник их богатства и, следовательно, влияния. Ссоры между разными семьями решаются в пользу более сильного [клана], а союзы образуются только против общих врагов²⁸.

В целом капитан Д'Вулф с симпатией относится к индейцам, отмечая их силу и выносливость, с удивлением и восхищением повествуя, например, о способности купаться в воде при минусовой

температуре и при этом «испытывать такое же удовольствие, будто на улице стоит теплая весна»²⁹.

Размышляя о причинах дружелюбного отношения индейцев к нему, а также к его новому другу доктору Георгу (Георгию) Лангсдорфу, Д'Вулф полагает, что оно может объясняться двумя факторами. Во-первых, тем, что сам он уже имел определенный опыт общения с индейцами в прошлом. И, во-вторых, своим происхождением, тем, что «мы имели удовольствие не быть русскими»³⁰. Последнее, действительно, могло играть значительную роль, если учесть, что отношения между русскими колонистами и индейцами были в целом достаточно напряженными. Буквально незадолго до прибытия Д'Вулфа в Русскую Америку закончилась русско-тлинкитская война. Сам американский путешественник свидетельствует в воспоминаниях о наличии конфликта. Так, он упоминает о встрече с неким Шинчетэзом (Schinchetaez), бывшим вождем, изгнанным из своего родного племени за дружбу с русскими³¹.

Однако если взглянуть на эту же фразу с точки зрения ориенталистского дискурса, то объяснение будет иным. Любой варвар одновременно боится и страшится лика Цивилизации, но, как мотылек перед светом, не может устоять против желания прикоснуться и вобрать в себя плоды познания. «Ко мне особенно они [индейцы] были дружелюбны, как будто зная, что я не один из русских», – делится Д'Вулф своими воспоминаниями³².

Иное дело, что открывающийся путь ученичества долгов и непрост: обучение занимает много времени, а сам ученик может быть нетерпелив, упрям и неконтролируем, снедаем своими варварскими страстями. Например, в тех же русских, начиная со времен Петра I, видели народ, ступивший на путь Просвещения и добившийся определенных успехов, но, тем не менее, не прошедший его до конца. Россия «воспринималась как ученик – то хороший (доминирующая версия Просвещения), то наученный дурному (альтернативная версия Просвещения), то двоечник, который должен учиться, но не хочет (доминирующая версия XIX в.), то лентяй (версия XX в.) или способный, но упрямый ученик (современная версия)», – рассуждает норвежский исследователь И. Ноймани³³.

Именно поэтому у Д'Вулфа возникает трехчастная модель «индейцы – русские – европейцы и американцы», символизирующая, как выразился путешественник XVIII в. Д. Ледьярд, «последовательность ступеней цивилизации»³⁴. Русские успешно захватили индейские земли, а многие из них даже были «приручены», однако перед «истинным» сыном Цивилизации все варвары стали кроткими агнцами.

Джон Д'Вулф провел в компании русских зиму 1805–1806 гг. Продав свое судно Баранову, он решил отослать свою команду в Кантон, а сам остался в Ново-Архангельске до лета, когда он мог бы с попутным кораблем дойти до России, которую намеревался пересечь. Живя в компании русских колонистов, он сделал ряд интересных замечаний об их быте вдали от родины.

По оценкам Д'Вулфа, в Ново-Архангельске проживало около 150 русских и 250 индейцев. Основным занятием рядовых рабочих было строительство и ремонт больших офицерских изб, мастерских и барак³⁵. Русские описываются американским капитаном как чрезвычайно сильные, выносливые люди, способные работать почти без перерывов «так тяжело, что это бы довело до смерти любого»³⁶, кроме них.

Условия проживания рабочих, однако, были далеки до идеала. С наступлением холодов их недостаточно обеспечивали едой и другим необходимым. Вследствие этого, как пишет Д'Вулф, «работники стали ослабевать. Эти бедные ребята сильно переутомлялись, работая в сырую и снежную погоду. Они стали болеть, и было принято решение немного сократить число заданий»³⁷.

В дальнейшем ситуация стала только ухудшаться, несколько человек умерло от цинги, и доктор Лангсдорф даже просил командование вообще отказаться от использования голодающих рабочих, но безуспешно. Таким образом, голод продолжался и в течение весны. После продажи «Джуно» русским в их распоряжении в том числе оказался и скот, находящийся на его борту, а именно две старые коровы, восемь или девять свиней, два барана, козел и овца, которую зимой в конце концов съели волки. Однако, по подозрению американца, более правдоподобным кажется, что она стала жертвой умирающих от голода русских³⁸. И хотя весеннее потепление принесло облегчение, окончательно ситуация разрешилась только в конце июня, когда из Калифорнии вернулась снаряженная еще в феврале экспедиция с запасом продовольствия.

Капитан Д'Вулф ничего не говорит о быте и повседневных практиках простых русских в колонии. Конечно, с одной стороны, это можно списать на то, что большую часть времени он проводил с офицерами, но с другой – складывается впечатление, что единственным занятием русских была работа. При этом они совершенно лишены таких свойств по-настоящему «цивилизованного» человека, как воля и способность импровизировать. Например, американец отмечает, что «окрестные воды полнятся великим множеством видов рыбы, которую можно ловить круглый год. Бедные русские жили бы значительно лучше, если бы их послали ловить ее»³⁹.

Таким образом, даже видя индейцев, которые, по свидетельству Д'Вулфа, в это же самое время ловили и приносили «замечательно-го палтуса, которого они меняли на рыболовные крючки и старую одежду»⁴⁰, русским не пришло в голову, что они могут делать это сами. Другой вопрос, что рыбная ловля – это занятие достаточно долгое, и улов одного человека не может прокормить всех голодающих, а командование, судя по всему, не дало разрешение на выделение специальной рыболовецкой артели.

В отличие от рядовых рабочих, офицеры жили в достаточно комфортных условиях, хотя долгая зима наводила скуку и заставляла искать хоть какие-то развлечения, подходящие по статусу цивилизованному человеку. Одним из них стали танцы. Так как офицерские избы были довольно большими, иногда вмещая до 50–60 человек за раз, некоторые из них были переделаны в танцевальные залы, поэтому можно было «проводить долгие вечерние часы танцуя»:

Мы успешно справлялись с котильонами и контрдансами, но поначалу были лишены женской компании. Многие младшие офицеры были с женами, а мы [затем] взяли некоторых кадыакских женщин, которые были привычны к русским танцам и быстро учили движения. Когда их пышно одевали, они выглядели (*appeared*) вполне respectfully⁴¹.

«Язык тела», как замечает А.Б. Соколов, служит одним из способов конструирования «Другого» в колониальном дискурсе⁴². О. Белова, исследуя бытовые представления о теле «иностранца», замечает: «...образ любого этнически или конфессионально “чужого” может быть описан при помощи стандартной схемы. Выделяется ряд ключевых позиций, по которым “опознается” чужой среди своих: внешность, запах... “неправильное”, с точки зрения носителя местной традиции, поведение (обусловленное “чужими” и, следовательно, неправильными, греховными, демоническими, ритуалами и обычаями), язык»⁴³.

В свою очередь танец представляет собой сложную коммуникативную систему, требующую расшифровки. Г.Е. Крейдлин отмечает: «Проблема межкультурного соответствия жестов... тесно связана с интерпретацией невербального текста одной культуры носителями другой и с проблемой переводимости. Хотя в невербальных компонентах человеческой коммуникации в разных культурах больше сходств, чем различий, последние все же имеются»⁴⁴.

Именно из-за этих различий, причем не только в жестах, но и в визуальном компоненте, анализ танцевальных практик зачастую становился ключевым в вопросе идентификации «своей» и «другой» культур⁴⁵. Переодевание же «Другого» в «свой» костюм в рамках бала является примером трансгрессии, «перехода», позволяющего симитировать «нормальность»⁴⁶. Подобные переодевания, как показал Л. Вульф, становились элементами игры, ассоциируемой с Востоком, где социальные и гендерные роли были менее жесткими и придавали особую пикантность мероприятий⁴⁷.

В приведенном выше пассаже переодевание кадьякских женщин в европейские платья служит именно для обеспечения «нормальности», однако в реакции Д'Вулфа можно также увидеть и представление уходящей эпохи Просвещения о взаимном соответствии расы и Цивилизации: дикарь не может стать европейцем, просто переодевшись в западные одежды. Он может только выглядеть (*appear*) как он, но не являться.

В мае, когда стало теплее и можно было проводить время вне помещений, Барановым и другими офицерами был разбит сад для вечеринок и пикников, который, как отмечает Д'Вульф, стал первым в Ново-Архангельске. Стоит отметить, что в его создании частично принимали участие и сами офицеры: «Воодушевленные примером Правителя (Баранова), мы вышли на работу с хорошим настроением. Вскоре устав, мы разошлись на отдых, к которому, как выяснилось, у нас оказалось больше талантов, чем к лопате. Некоторые из нас говорили, что изрядно уморились (*got quite blue*) ко времени окончания нашего труда»⁴⁸. Здоровый цинизм просвещенного человека, созданного для интеллектуальных занятий, а не физических.

Находясь в Ново-Архангельске, капитан Д'Вульф имел довольно близкие отношения с А.А. Барановым, качества которого он оценивает очень высоко.

Ему 65 лет, из которых последние 18 он провел в качестве доверенного лица или человека Российско-американской компании в различных пунктах побережья, отрезанный, так сказать, от всего цивилизованного мира, в обществе нескольких таких же, как они, искателей приключений. У него острый ум, непринужденные манеры и умение держать себя, и он, по-видимому, вполне соответствует той должности, которую занимает. Он пользуется величайшим уважением индейцев, смотрящих на него со смешанными чувствами любви и страха⁴⁹.

Следует особо отметить, что, хотя А.А. Баранов не был дворянского происхождения, родившись в купеческой семье в Каргополе, и не получил полноценного «европейского» образования, он все же имел довольно широкие практические познания, что позволяло Д'Вулфу, также происходившему из рода купцов и получившему фрагментированное домашнее образование, идентифицировать его как «Своего». Как замечает К. Оуэнс, «хотя нет причин утверждать, что он знал эссе Вольтера или политические трактаты Локка, мы можем полагать, что в домах его родителей или их друзей молодого Баранова окружала провинциальная русская версия западно-европейской культуры эпохи Просвещения. Гости в его последнем жилище на Аляске <...> писали, что он ценит искусство, любит музыку и наслаждается компанией умных, обходительных людей, способных обсуждать международные отношения»⁵⁰.

Помимо Баранова, Д'Вулф также познакомился с Н.П. Резановым, о котором отзывался как о человеке «высокого происхождения, имеющего множество добродетелей», «добром и отзывчивом ко всем вокруг, всегда готовом выслушать жалобу»⁵¹.

Однако наибольшее впечатление на Д'Вулфа произвела встреча с русско-немецким доктором Георгом (Георгием) Лангсдорфом, исследователем-этнологом и будущим академиком, прибывшим вместе с Резановым. «Так как мы жили под одной крышей, мы стали почти неразлучны, участвуя вместе во всех развлечениях и хлопотах»⁵², – пишет Д'Вулф о времени в Ново-Архангельске, которое станет началом крепкой дружбы. Впоследствии американский капитан и русско-немецкий натуралист вместе пересекут Сибирь, а Д'Вулф назовет своего сына Лангсдорфом (Лангсом) в память о былых приключениях⁵³.

Кроме того, Д'Вулф свел знакомство с двумя русскими морскими офицерами – мичманом Г.И. Давыдовым и лейтенантом Н.А. Хвостовым, которому затем и будет передано судно американца «Джуно» («Юнона»). Дружба с этими двумя незаурядными молодыми людьми трагически оборвется в Санкт-Петербурге 4 октября 1809 г., когда после праздничного вечера по случаю встречи четырех ситкинских друзей – Д'Вулфа, Лангсдорфа, Давыдова и Хвостова – русские офицеры трагически утонули в Неве, попытавшись перескочить с края разведенного Исаакиевского моста на барку⁵⁴.

Компания русских офицеров была Д'Вулфу приятна и комфортна. В их лице американский капитан нашел людей, близких по духу, культуре и занятиям, а не «дикарей», которых, как упоминалось выше, он ожидал увидеть. В отличие от сибиряков

(купцов и рабочих), оказавшихся на Аляске, не имевших «модерного» образования и воспринимавших алеутов и других местных туземцев как представителей коренных народностей Сибири, морские офицеры-«кругосветники» прошли европейскую «школу» и воспринимали цели экспедиций как часть одного большого имперского проекта. Сталкиваясь во время путешествия с экзотическими культурами и людьми, радикально отличавшимися от жителей северной Евразии, они получали бесценный опыт взаимодействия с «Другими». Этот опыт вкупе с представлениями об аборигенах в духе Просвещения диктовал совершенно иную логику формального построения отношений с местными жителями Аляски и Алеутских островов: «Так заинтересованные морские офицеры обосновывали усиление влияния Российского императорского флота на Аляске – просвещенный дворянин, преданный идеалам империи и цивилизации, был призван присматривать за наивным Благородным Дикарем»⁵⁵. Если для сибиряков, как показал И. Виньковецкий, Аляска являлась продолжением Евразии, а их отношение к местным племенам было идентичным тем практикам, которые бытовали в отношении сибирских народностей, то офицеры-«кругосветники», имевшие иное образование и иной опыт, оценивали Русскую Америку в «имперских» категориях (т. е. как российскую колонию), что изменяло и формальный статус алеутов, колошей и других туземных племен, и политику по отношению к ним.

Следует добавить, что и к самим сибирякам, в том числе и тем самым рядовым рабочим, имперские офицеры относились почти с тем же патерналистским настроем, видя в них полудивилизованных креолов⁵⁶. Оттого трехчастная модель общества Ново-Архангельска – индейцы, простые русские, образованные европейцы – являлась конвенциональной и для Д'Вулфа, и для имперских офицеров, с которыми он завел дружбу.

Процесс формирования представлений о русском «Другом» в США в начале XIX в. только начинался, но уже тогда через газеты и журналы находился под влиянием ориенталистского дискурса Старого Света, видевшего Россию как полудивилизованную державу, где за европейской ширмой кроется азиатская личина. Именно таковым и было предзнание о русских Джона Д'Вулфа, ожидавшего перед своим путешествием в российские владения в Америке увидеть там «дикарей». Реальная же встреча американского капитана с руководством РАК и ее офицерами выявила «цивилизованность» русских, многие из которых впоследствии стали ему добрыми друзьями.

Тем не менее в ходе своего пребывания в Ново-Архангельске Д'Вулф не отказался полностью от своих предыдущих представлений, лишь трансформировав их в трехчастную модель «степеней цивилизации». Первым ее элементом являются американские туземцы, которые рассматриваются как Благородные Дикари, живущие в гармонии с окружающим миром. Вторым – простые русские, которые не обладают всеми качествами истинно цивилизованного человека, хотя их и коснулось Просвещение. И наконец, третьим – руководство Российско-американской компании и образованные морские офицеры, представляющие империю.

Примечания

- ¹ *Виньковецкий И.* Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи: 1804–1967. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 90.
- ² Подробнее о мерах российского правительства по адаптации к вызовам меняющейся модерности в первой половине XIX в. см.: Обсуждение: исторический курс «Новая имперская история Северной Евразии». Гл. 8: Дилемма стабильности и прогресса: империя и реформы, XIX век. Ч. 1: Современная империя в поисках нации // *Ab Imperio*. 2015. № 2. С. 253–337.
- ³ *Мелвилл Г.* Моби Дик, или Белый кит / пер. с англ. И.М. Берштейн. М.: Издательство АСТ, 2016. С. 251–252.
- ⁴ *Parker H.* Herman Melville. A Biography. Vol. 1 (1819–1851). Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 1996. P. 41.
- ⁵ *Мелвилл Г.* Указ. соч. С. 252. Об этом случае см.: *D'Wolf J.* A Voyage to the North Pacific and a Journey through Siberia more than Half a Century Ago. Cambridge, MA: Welch, Bigelow, and Company, 1861. P. 88.
- ⁶ *Болховитинов Н.Н.* Становление русско-американских отношений: 1775–1815. М.: Наука, 1966. С. 328; *Saul N.E.* Distant Friends: the US and Russia: 1763–1867. Lawrence, 1991. P. 44–45.
- ⁷ *Johnson C.M.* James DeWolf and the Rhode Island Slave Trade. Charleston, SC: The History Press, 2014. P. 11–21; *Howe J.* The Voyage of Nor'west John // *American Heritage*. Vol. 10. Issue 3. 1959. URL: <http://www.americanheritage.com/content/boyaqe-nor%E2%80%99west-john> (дата обращения: 12.12.2016).
- ⁸ *D'Wolf J.* Op. cit. P. 1–2.
- ⁹ Первым американцем, побывавшим в Сибири, был Джон Ледьярд в 1787–1788 гг.
- ¹⁰ *Howe J.* Op. cit.
- ¹¹ *D'Wolf J.* Op. cit. Preface. III–IV.
- ¹² *Tales of an Old Sea Port* / Ed. by W.H. Munro. Princeton Univ. Press, 1917.
- ¹³ *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. С. 121–125; *Вулф Л.*

- Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение. 2003. С. 205–207.
- ¹⁴ The National Character Is Far from Being Savage: New-York Magazine or Literary Repository. New York. May 5, 1792. P. 287–288 // The American Image of Russia: 1775–1917 / Ed. by E. Anshel. N.Y.: Ungar, 1975. P. 36.
- ¹⁵ Engerman D.C. Modernization from the Other Shore: American Intellectuals and the Romance of Russian Development. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2003. P. 22.
- ¹⁶ *Historicus* [pseud.]. Manners and Customs of the Russian Peasants. Literary Museum or Monthly Magazine. West-Chester, March, 1797 // The American Image of Russia... P. 45–50.
- ¹⁷ D'Wolf J. Op. cit. P. 21–22; рус. перевод по: Из воспоминаний Дж. Д'Вулфа // Россия и США: становление отношений, 1765–1815: Сб. документов. М.: Наука, 1980. С. 273.
- ¹⁸ D'Wolf J. Op. cit. P. 41–42.
- ¹⁹ Ibid. P. 42–43.
- ²⁰ Ibid. P. 44–45.
- ²¹ См., например: *Аверкиева Ю.П.* Индейцы Северной Америки. М.: Наука, 1974. С. 159–168.
- ²² *Свинкина М.Ю.* Понятийная вариативность лингвокультурных категорий «чужест» – «другость» – «инаковость» // Филологические науки: Вопросы теории и практики: В 3 ч. Тамбов, 2016. № 6 (60). Ч. 2. С. 148–152.
- ²³ По Ч.С. Пирсу, понятие «значение» может быть понимаемо как «перевод знака в другую систему знаков». См.: *Jakobson R.* A Few Remarks on Peirce, Pathfinder in the Science of Language // The Framework of Language. Michigan Studies in the Humanities, Ann Arbor, 1980. P. 31–38.
- ²⁴ D'Wolf J. Op. cit. P. 47–48.
- ²⁵ *Лисянский Ю.Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на корабле «Нева». М.: Дрофа, 2008. С. 264.
- ²⁶ D'Wolf J. Op. cit. P. 47.
- ²⁷ Ibid. P. 48.
- ²⁸ Ibid. P. 48–49.
- ²⁹ Ibid. P. 49.
- ³⁰ Ibid. P. 41.
- ³¹ Ibid. P. 49.
- ³² Ibid. P. 53.
- ³³ *Нойманн И.* Указ. соч. С. 154.
- ³⁴ [*Ledyard J.*] The Last Voyage of Captain Cook: The Collected Writings of John Ledyard / Ed. by J. Zug. Washington, DC, 2005. P. 156–157.
- ³⁵ D'Wolf J. Op. cit. P. 40.
- ³⁶ Ibid. P. 51.
- ³⁷ Ibid. P. 52.
- ³⁸ Ibid. P. 55.

- ³⁹ Ibid. P. 53–54.
- ⁴⁰ Ibid. P. 53.
- ⁴¹ Ibid. P. 52–53.
- ⁴² *Соколов А.Б.* Тело как способ идентификации «Другого» // Диалог со временем. 2010. Вып. 33. С. 222.
- ⁴³ *Белова О.* Тело «инородца» // Тело в русской культуре: Сб. статей / Сост. Г.И. Кабакова, Ф. Конт. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 147.
- ⁴⁴ *Крейдлини Г.Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 131.
- ⁴⁵ См.: *Вульф Л.* Указ. соч. С. 471–479; *Figes O.* *Natasha's Dance: A Cultural History of Russia.* L.: Metropolitan, 2002.
- ⁴⁶ См.: *Ролдугина И.* Открытие сексуальности: Трансгрессия социальной стихии в середине XVIII в. в Санкт-Петербурге: по материалам Калининской комиссии (1750–1759) // *Ab Imperio.* 2016. № 2. С. 29–69.
- ⁴⁷ *Вульф Л.* Указ. соч. С. 102, 180–181.
- ⁴⁸ *D'Wolf J.* Op. cit. P. 58.
- ⁴⁹ Ibid. P. 22. Рус. перевод по: Из воспоминаний Дж. Д'Вулфа // Россия и США: становление отношений... С. 273. Подробнее о деятельности А.А. Баранова см.: *Owens K.N., Petrov A.Y.* *Empire Maker: Aleksandr Baranov and Russian Colonial Expansion into Alaska.* Univ. of Washington Press, 2015.
- ⁵⁰ *Owens K.N., Petrov A.Y.* Op. cit. P. 16–17.
- ⁵¹ *D'Wolf J.* Op. cit. P. 36.
- ⁵² Ibid. P. 39.
- ⁵³ *Parker H.* Op. cit. P. 41.
- ⁵⁴ *D'Wolf J.* Op. cit. P. 146–147; Предупреждение от вице-адмирала Шишкова // *Давыдов Г.И.* Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. Ч. 1. СПб.: Морская типография, 1810. С. XXXV–XXXVI.
- ⁵⁵ *Виньковецкий И.* Указ. соч. С. 72.
- ⁵⁶ См., например: *Давыдов Г.И.* Указ. соч. С. 154–162; подробнее см.: *Виньковецкий И.* Указ. соч. С. 68–77.